

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
С86

Серия «Мастера магического реализма»

Charles Stross
THE ATROCITY ARCHIVES

Публикуется с разрешения автора
и его литературных агентов, Liza Dawson Associates (США)
при содействии Агентства
Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского: *Ефрем Лихтенштейн*

*В оформлении обложки использована
иллюстрация Василия Половцева
Дизайн обложки: Василий Половцев*

© Copyright © 2004 by Charles Stross
© Ефрем Лихтенштейн, перевод, 2020
© Василий Половцев, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ҚАТАЛОГ ҚАТАСТРОФЫ

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы пишут, но не в полном вакууме. В первую очередь я хочу поблагодарить членов местного писательского семинара, которым пришлось продраться через преисподнюю вычитывания черновой рукописи, и которые указали мне на многочисленные неувязки, требовавшие исправления. Пол Фрэзер из «Spectrum SF» вложил в редактуру куда больше сил, чем я имел право ожидать, когда готовил роман к журнальной публикации. Также благодарю Марти Хэлперна из «Golden Gryphon Press», который помог появиться на свет книжному изданию. Ну и наконец: я стою на плечах великанов. Три автора позволили мне задумать эту книгу — мой поклон Г. Ф. Лавкрафту, Нилу Стивенсону и Лену Дейтону.

1. ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА

Ночью небо зеленеет — хакер сразу веселеет.

Я прячусь в кустах за каким-то промышленным агрегатом, вооруженный планшетом, пейджером и парой выпуклых очков ночного видения, которые окрашивают все вокруг в изумрудные тона. Я в них выгляжу как ботан в противогазе, а еще от них болит голова. Воздух плотный и вязкий, моросит мелкий дождь, влажность такая, что ветровка и перчатки неприятно липнут к телу. Я сижу тут, в кустах, уже три часа, жду, пока последний трудоголик выключит наконец свет и пойдет домой, чтобы я смог забраться внутрь через окно. И зачем я только согласился на предложение Энди? Кража со взломом с разрешения правительства — на деле куда менее романтическое занятие, чем можно вообразить, особенно если за час тебе заплатят всего в полтора раза больше обычного.

(Сволочь ты, Энди. «Кстати, по поводу твоей прошлогдней заявки на переход на действительную службу. Так вышло, что на сегодня есть одно дело, а рук не хватает. Не хочешь помочь?»)

Переминаюсь с ноги на ногу, дышу на ладони. В приземистом бетонном корпусе передо мной никаких признаков жизни. Уже одиннадцать вечера, а в офисном зале

до сих пор горит свет: он там ночевать собрался, что ли? Сдвигаю очки на лоб, и все погружается в темноту, только эти проклятые окна мерцают, словно светлячки в глазницах черепа.

Внезапное ощущение: будто рой пчел вдруг загудел рядом с моим мочевым пузырем. Беззвучно выругавшись, лезу под ветровку за пейджером. Экран без подсветки, поэтому мне приходится рискнуть и на секунду включить фонарик, чтобы прочесть сообщение: «МНДЖР УЙДТ ЧРЗ 5 МИН». Даже не спрашиваю, как они это узнали, — просто радуюсь, что мне придется всего пять минут простоять здесь, среди подтопленных деревьев, стараясь не слишком громко притопывать замерзшими ногами и раздумывая, что говорить, если охрана вдруг заглянет на огонек. Еще пять минут прятаться на заднем дворе отдела обеспечения качества «Memetix (UK) Ltd.» — дочерней компании международного концерна, штаб-квартира которого находится в городе Менло-Парк, Калифорния, — а потом можно будет наконец сделать свое дело и поехать домой. Еще пять минут прятаться в кустах посреди промзоны, где белый жар технологии до глубокой ночи не дает погаснуть свету, где безымянный ужас не высасывает тебе мозги, чтобы бросить потом на поживу кадровому отделу, — если только у тебя не всплывет недостача по данным отчета за третий квартал или не выяснится, что ты позабыл принести кровавую жертву на алтаре Эффективного Управления.

Где-то внутри здания последний засидевшийся менеджер зевает и тянется за ключом от своего BMW. Уборщицы уже разошлись по домам; крупные сервера тихонько мурлыкают в своей прохладной берлоге, расположенной рядом с инженерным стояком офисного корпуса. Оста-

лось только не попасться охраннику — и можно возвращаться домой.

Вдалеке закашлялся разбуженный мотор, завелся и выкатился, взвизгнув мокрыми шинами, с корпоративной парковки BMW. Как только он скрывается в темноте, у меня снова гудит пейджер: «ПОШЕЛ!» Я начинаю осторожно пробираться вперед.

И никакой детектор движения меня не засекает, никакие сторожевые ротвейлеры меня не ловят, никакие охранники в глухих шлемах не выскакивают из-за угла: это другое кино, а я — не Арнольд Шварценеггер. (Энди мне так сказал: «Если тебя засекут, улыбнись, встань и покажи им удостоверение — и звони мне. Я разберусь. За то, что вытащишь старика из постели посреди ночи, чтобы он за тобой прибрал, тебе положена черная метка, но лучше черная метка, чем дырка в черепе. Главное, помни: промзона в Кроксли — это тебе не Новая Земля, так что пробитой головой ты не спасешь мир от империи зла».)

Прохлюпав по мокрой траве, нахожу нужное окно. В полном соответствии с ориентировкой оно закрыто, но не заперто. Потянул — и вот створка распахивается мне навстречу. Высоковато — фута четыре от бетонного стока под стеной. Я подтягиваюсь, перебираюсь через подоконник и сшибаю груды дисков, которые маленькой лавиной сыплются на пол. Вся комната окрашена в призрачную зелень, если не считать ярких пятен отключенных мониторов и кулеров, выдувающих горячий воздух из компьютерных корпусов. Я неуклюже перелезаю через захламленный стол и гадаю: как же, интересно, хозяин не заметит четкий отпечаток моего ботинка между стопкой явно секретных документов и кружкой ледяного кофе.

А потом спрыгиваю на пол в отделе обеспечения качества; а часики-то тикают.

Снова жужжит пейджер. «ОТЧЕТ». Вытаскиваю из нагрудного кармана мобильник и набираю три цифры, а потом возвращаю его в карман. Докладываю, что я внутри и все идет хорошо. Это Прачечная в чистом виде — они же счет за телефон подошьют к протоколу, чтобы доказать, что я позвонил в расчетное время, а потом засекретят по самые уши. Эх, миновали дни экспромтов и внезапных обысков...

«Memetix (UK) Ltd.» представляет собой типичный офисный адок: безликие бежевые перегородки разделяют клетки корпоративной жизни. Ксерокс, точно алтарь, висится у стены, на которой вывешены листы священного писания — Кодекс корпоративной этики, список обязательных для всех сотрудников курсов самореализации и тому подобное. Я оглядываюсь по сторонам, ищу кабинку D14. С его стороны к перегородке приколото множество картинок с Дилбертом — признак умеренно бунтарского характера; наверняка менеджеры среднего звена бегают по этому лабиринту перед каждым посещением высокого начальства и срывают эти мятежные листки. Меня охватывает сочувственная дрожь: вот бедолага, каково ему сидеть тут, в тесной кабине, в самом сердце новой промышленной революции и не знать, откуда грянет гром?

На столе три монитора: два больших, но вполне обычных и один очень странный — ему на вид минимум лет десять; почетный ветеран зари компьютерной революции, выданный, наверное, из старой лисп-машины «Symbolics». Во мне просыпается любитель древностей, но глазеть нет времени: до следующего обхода охранника

шестнадцать минут. Рядом опасно кренятся башни из книг: Кнут, Дейкстра, Альхазред, другие, менее знакомые имена. Отодвигаю его кресло и сажусь, а потом морщусь: в одном из ящичков его стола кто-то умер и отправился к своему Создателю.

Клавиатура — есть. Учетная запись администратора: я достаю краденую смарткарту S/Key, которую Прачечная добыла у одного из подрядчиков «Memetix», и ввожу ответ на запрос системы. (Одноразовые пароли взламывать вообще несладко, так что возблагодарим же вновь маленьких помощников Прачечной.) И вот я вошел, получил права: пора попытаться понять, куда я, собственно, вошел-то.

Малькольм — я сижу за его столом и пачкаю его клавиатуру — устроил тут настоящий муравейник: под столом свалены мертвые компьютеры с выдранными платами, а подозрительный сервер Франкенштейна — тоже кишками наружу — гудит едва ли не громче генератора рядом. Некоторое время я панически обыскиваю все вокруг, ищу серебристые пентакли и мерцающие руны под столешницей, но все чисто. Авторизовавшись, я оказываюсь в лабиринте из нескольких автомонтированных файловых систем, похожих друг на друга как две капли воды. «Блин, дерьмо, зараза», — шепчу я; в фильме «Бросив смертельный взгляд» такого не было! Вытаскиваю телефон и набираю номер.

— Столичная прачечная и химчистка, чем я могу вам помочь?

— Дайте имя хоста и каталога, я вошел и заблудился.

— Секундочку... попробуйте набрать «auto/share/fs/scooby/netapp/user/home/Malcolm/R/catbert/world-underscore-domination/manifesto».

Я печатаю так быстро, что пальцы чуть не завязываются узлом. Сервер под столом с тихим щелчком монтирует гигантский массив дисков этого Скуби-Ду и почесывает головки считывания-записи, разыскивая, наверное, самое идиотское имя файла во всей корпоративной сети.

— Погодите... да, есть.

Я заглядываю внутрь и вижу обычный незашифрованный текст: «Заметки к доказательству полиномиальной полноты гамильтоновых сетей». Быстро проматываю текст, просматриваю — нет времени как следует в нем разобраться, но выглядит он солидно.

— Бинго, — говорю я, чувствуя на пояснице неприятный липкий пот. — Есть файл. Пока-пока.

— Дома покакаешь.

Я кладу трубку и смотрю на документ. На миг меня охватывает сомнение... Это ведь нечестно — то, что я собираюсь сделать. И бес противоречия берет верх: быстро настучать команду, отправить запретный файл на не такой уж и мертвый личный мейл. (Потом читаю.) Теперь пора грохнуть сервер. Я демонтирую сетевой накопитель и бросаю его в пламя низкоуровневого форматирования. Если Малькольму захочется восстановить свою работу, ему потребуются помощь из Центра правительственной связи и сканирующий туннельный микроскоп, чтобы отыскать ее среди 0xDEADBEEF, раскиданных между пластинами жесткого диска.

Опять жужжит пейджер. «ОТЧЕТ». Я нажимаю еще три цифры на телефоне. А потом выскальзываю из кабинки и перебираюсь через захламленный стол обратно в холодную весеннюю ночь, где могу наконец-то стащить эти треклятые латексные перчатки и размять пальцы в лунном свете.

Я так окрылен успехом, что вспоминаю о стопке дисков, которую опрокинул на пол, только когда выхожу из ночного автобуса на остановку у дома. И тогда уже беспротиворечия просто тихонько хихикает.

Когда звонит телефон, я крепко сплю в своей постели.

Он по-прежнему в кармане пиджака, где я забыл его вчера, так что для начала мне приходится немного пометаться по комнате, слушая его жизнерадостное чирикание.

— Алло?

— Боб?

Это Энди. Мне стоит огромных усилий не застонать.

— Который час?

— Девять тридцать. Ты где?

— Сплю. Какого...

— А мы тебя ждем на оперативном разборе. Когда сможешь быть?

— Я себя паршиво чувствую. Домой пришел в полтретьего. Сейчас скажу... в одиннадцать, пойдет?

— Ну, хотя бы так, — раздраженно бурчит он (но ведь не Энди вчера себе задницу в кустах морозил?). — Приезжай.

«А то хуже будет» произносить не надо, оно и так явственно висит в воздухе. Сверхсекретная служба Ее Величества так и не смогла овладеть парадоксальной концепцией гибкого графика и умением выстраивать разумное расписание.

Неуклюже ковыляю в туалет, мочусь и смотрю на тонкий слой черной плесени на окне. Я дома один, все остальные ушли — кто на работу, а кто и вообще. (На

работу — это Пинки и Брейн, а вообще, в смысле, к чертовой матери, — это Мэйри.) Потом беру свою дряхлую зубную щетку и исполняю ежеутренний ритуал. Ну хоть вода горячая есть. На кухне внизу я засыпаю в кофейник ядреный помол и ставлю на конфорку. Думаю, смогу добраться в Прачечную к одиннадцати, и все равно еще остается время проснуться. Там мне нужно быть собранным. Хорошо прошла вчерашняя операция или не очень? И вот теперь, когда уже ничего не поделаешь, я вспоминаю про диски.

Безымянный ужас — это нормально, когда ты развалился перед телевизором и смотришь жесткий боевик, но, если залить его за пятнадцать минут половиной пинты невероятно крепкого черного кофе, кишки от него завязываются узлом. В голове пролетают кошмарные сценарии, выстроившись клином в порядке нарастания жути: письменный выговор с занесением в личное дело; судебное преследование за незаконный обыск, разрешение на который магическим образом испарилось; и самое страшное — вернуться домой и опять увижу Мэйри на диване в гостиной. Так, это вычеркнуть: мимолетная печаль уступает место более глубокому чувству облегчения, приправленного ноткой одиночества. Одиночество далекого близкого шпиона? Черт, нужно привести голову в порядок. Я же не Джеймс Бонд, которого роковая красотка из КГБ ждет в каждом гостиничном номере. Это первое, что тебе вколачивают в Столичной прачечной и химчистке («Чистим чище, чем дочиста!»): жизнь — не шпионский фильм, в работе нет никакой романтики, да и вообще ничего особенно увлекательного. Особенно когда приходится яйца морозить в корпоративных кустах под дождем и в двенадцатом часу ночи.

Иногда я даже жалею, что упустил возможность выучиться на бухгалтера. Жизнь была бы гораздо проще, если бы я поверил в золотые горы, которые обещали рекрутеры при очередном обходе университетских аудиторий... Но деньги мне нужны, и может быть, они даже когда-нибудь поручат мне сделать что-то интересное. А пока что я сижу на этой работе, потому что все альтернативы намного хуже.

Поэтому я еду на работу.

Лондонская подземка славится тем, что явно не верит, что у людей могут быть почки или кишки. Немногим известно, что на станции «Морнингтон-Кресент» есть ровно одна общественная уборная. Никаких указателей, никаких особых знаков: если спросите о ней у дежурных, они только качают головами, но уборная там есть, потому что мы ее затребовали.

По пурпурной ветке я еду до «Юстон-сквер» — в тесном и дребезжащем загончике вместе со стадом унылых пассажиров — и пересаживаюсь на Северную линию. На следующей станции выхожу, взбираюсь по лестнице, ныряю в мужской туалет и направляюсь к дальней кабинке в правом ряду. Стоит потянуть ручку смыва — но не вниз, а вверх, — как задняя стена открывается, словно большая толстая дверь (там ведь трубы, стояк), и я оказываюсь в вестибюле. Все это немного похоже на низкобюджетный ремейк какого-нибудь голливудского шпионского триллера шестидесятых. Несколько месяцев назад я спросил Бориса, зачем мы вообще все это настроили, но он только хмыкнул и посоветовал уточнить у Энглтона, что в переводе означает «Иди в задницу».